

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

С.А. Богданчиков

СКВОЗЬ ВРЕМЯ: ШКОЛА Г.И. ЧЕЛПАНОВА В ЕЕ РАЗВИТИИ, ОСНОВНЫХ ЧЕРТАХ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

В статье предпринимается попытка в первом приближении дать целостную характеристику школе Г.И. Челпанова. С этой целью в развитии школы выделяются три периода – начальный (1897–1912), основной (1912–1923) и заключительный (1924–1931), на каждом из которых описываются особенности функционирования школы, наиболее важные события и достижения. Выдвигается и обосновывается тезис о значимости школы Г.И. Челпанова в истории отечественной психологии не только как научно-образовательного, но и научно-исследовательского центра. Делается вывод, что разносторонняя деятельность Г.И. Челпанова как организатора и лидера одной из крупнейших школ в истории отечественной психологии и в настоящее время может служить образцом в деле поиска путей и форм обеспечения дальнейшего прогресса российской психологической науки.

Ключевые слова: история психологии в России, школа Г.И. Челпанова (в психологии), советская психология, научная школа (школа в науке).

Психоисторик не *верит* мифам, он их *исследует*.

Кингсбери Д. [27]

Проблема

Интуитивно, на уровне самых общих констатаций понятно, что о школе Г.И. Челпанова (а не только об одном Г.И. Челпанове) при рассмотрении истории отечественной психологии говорить и можно, и нужно. Но в каком смысле? – В том смысле, что у Г.И. Челпанова – профессионального психолога (изучавшего психологию у Н.Я. Грота), приват-доцента, затем экстраординарного и, наконец, ординарного профессора, заведующего кафедрой и директора Психологического института – были многочисленные ученики, помощники, последователи и единомышленники? Вряд ли это требует особых доказательств. Свидетельству-

ет ли это о наличии школы – вот в чем вопрос.

Тогда, может быть, все дело в том, что Г.И. Челпановым была сформирована и явным образом задана оригинальная общепсихологическая концепция (научно-исследовательская программа), которой он руководствовался и которую он развивал вместе со своими учениками и сотрудниками? В этом случае рассмотрение вопроса переводится в иную плоскость – в выяснение того, что собой представляла эта концепция (программа) и как она вписывалась в общий теоретический и историко-психологический контекст. Или, напротив, все дело в обусловленной личностью Г.И. Челпанова весьма действенной

и устойчивой (хотя и трудно уловимой для рационального выражения) научной традиции, которая неявно, в форме так называемого «личностного знания»¹, существовала внутри общепризнанной парадигмы — эмпирической (интроспективной) психологии В. Вундта и Э. Титченера?

Вспоминая выделенные М.Г. Ярошевским типы научных школ (см. [48, с. 449–450; 84, с. 28]), можно подойти к проблеме с другой стороны и попытаться понять, с какой именно школой мы имеем дело в данном случае: «школой — исследовательским коллективом», «научно-образовательной школой» или «школой-направлением»? При этом не будем забывать о том, что фактически речь идет о доминировании одной из трех выполняемых школой функций, в связи с чем «указанные типологические формы редко встречаются в чистом виде» [60, с. 6]. Кроме того, в литературе описаны и другие заслуживающие внимания варианты типологий научных школ [82].

Судя по публикациям отечественных авторов, на операциональном уровне (при обращении психологов к истории своей науки по каким-либо конкретным поводам) могут использоваться достаточно сильно отличающиеся друг от друга трак-

товки понятия школы — позволяющие говорить, например, о таких разноплановых (и разновеликих) образованиях, как научные школы Л.С. Выготского и Г.И. Челпанова [85], «научная школа Выготского–Леонтьева–Лурии» [20], «московская психологическая школа» [22] или даже о созданной в нашей стране в советский период «оригинальной научной школе, называемой сегодня в широком смысле “советская психология”» [25, с. 128].

Похоже, что здесь еще непочатый край исследовательской работы, о глубине и масштабах которой наглядное представление дают недавние публикации в журнале «Методология и история психологии» (см. [45; 60] и др.), отражающие общую направленность редакционной политики журнала на синтез методологических и историко-научных проблем.

И все же уточнение и операционализация понятия «научная школа» в интересах конкретного историко-психологического исследования — это только полдела, только одна сторона медали. Ведь историку психологии важно знать о конкретном смысле выражения «школа Г.И. Челпанова» не только с методологической (общенаучной, науковедческой, формальной) точки зрения, но и с точки зрения собственно психологической, содержательной.

Мало, другими словами, подвести школу Г.И. Челпанова под общее понятие научной школы, вписать в ту или иную типологическую классификацию, еще важнее ответить на вопросы, касающиеся фактической стороны рассматриваемого явления — о том, каковы были пространственные и хронологические координаты школы, каков был ее персональный состав, в чем состояли ее ключевые идеи и особенности функционирования на отдельных этапах и в целом, какова была ее материальная база (факультет, институт, кафедры, лаборатории, оборудование и т.д.), какие были в ее истории важные события и преобладающие тенденции,

¹ «В самом сердце науки существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно» [44, с. 89] (цит. по: [62, с. 338]). «Личностное знание» — термин, введенный в методологию науки американским философом М. Полани и означающий тот объем неявного знания, которым располагает и использует в своей научной деятельности отдельный ученый. Близок по значению к термину “интуиция ученого”» [34, с. 117–118]. «Неявное знание — информация, используемая в практической и познавательной (в том числе научной) деятельности, не имеющая четкого дискурсного и операционального оформления» [34, с. 176]. Даже И. Лакатос, целенаправленно изучавший роль рациональных реконструкций в логике науки, тем не менее подчеркивал: «Рациональная реконструкция науки (в том смысле, в котором я употребляю этот термин) не может быть исчерпывающей в силу того, что люди не являются полностью рациональными существами» [33, с. 282–283].

какой след она оставила в истории психологии, можно ли сегодня ставить вопрос не только о ее исторической, но и об актуальной значимости.

В качестве ориентира может выступать приводимый в журнале «Методология и история психологии» в редакционных статьях в № 1 за 2006 г. и № 4 за 2007 г. «возможный перечень проблем, заслуживающих освещения на страницах журнала: 1) история становления и развития школы; основоположники и главные участники школы; 2) основные теоретические и методологические основания и представления школы; 3) основные разработки и достижения школы; 4) современное состояние школы; 5) влияние и вклад школы в другие научные подходы» [45, с. 3].

Проблемный характер всех этих вопросов, взятых в совокупности и обращенных непосредственно к школе Г.И. Челпанова, обусловлен, как нам думается, в первую очередь тем, что до сих пор в работах отечественных авторов школа Г.И. Челпанова не выступала в качестве самостоятельного и целостного (рассматриваемого на всех этапах своего развития) объекта историко-психологического исследования – факт весьма примечательный и даже парадоксальный на фоне огромного количества эмпирических данных, раскрывающих различные аспекты функционирования школы Г.И. Челпанова как реального феномена истории науки².

Такое положение дел может быть объяснено тем, что во всей отечественной (советской, постсоветской, современной) историографии (в работах Е.А. Будиловой,

А.Н. Ждан, В.П. Зинченко, В.А. Кольцовой, Т.Д. Марцинковской, А.А. Никольской, А.В. Петровского, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, В.В. Умрихина, М.Г. Ярошевского и др.) на первый план традиционно выдвигается личность самого Г.И. Челпанова – его взгляды, убеждения, научные достижения, этапы биографии, личные особенности и т.п. И это несмотря на то, что научная школа не может быть по определению сведена (ведь школа – это прежде всего группа, коллектив) к личности ее лидера, каким бы выдающимся творцом, исследователем, организатором или педагогом он ни был! Впрочем, как показывают публикации, посвященные школам в истории отечественной психологии, этот принципиальный недостаток – центрация при характеристике школы на ее лидере – является для нашей историографии типичным (см., в частности, статьи о школах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна в журнале «Методология и история психологии» за 2007 г., т. 2, вып. 4).

Характерно, что если речь заходит об учениках и сотрудниках Г.И. Челпанова (таких, например, как П.П. Блонский, К.Н. Корнилов, Г.Г. Шпет), то подчеркивается не столько их исходная принадлежность к школе, их нерасторжимое единство со своим учителем по принципиальным вопросам и преемственность, сколько их несоответствие, оппозиционность: все внимание заостряется на том, что по отношению к Г.И. Челпанову в какой-то момент своей научной биографии они «откололись», «выступили с резкой критикой», «начали решительную борьбу». В результате вся связанная с научной школой проблематика (общие идеи, принципы и достижения, вопросы сохранения преемственности, традиций и единства, особенности организации совместной деятельности, система подготовки и совершенствования кадров, отношение к общему идейному наследию и т.д.) как-то незаметно отходит на второй план, испаряется.

² Уже после того, как эти строки были написаны, на сайте «История отечественной психологии» (электронный адрес: <http://www.psych.ru>) появилась информация о том, что вышла в свет монография «Психология в Московском университете», содержащая в части второй – «Выдающиеся ученые-психологи и научные школы Московского университета» – главу о школе Г.И. Челпанова [61]. Так что дело сдвинулось с мертвой точки.

Невнимание теоретиков, методологов и историков психологии к школе Г.И. Челпанова может, кроме того, основываться на том, что взгляды Челпанова как психолога³ по их содержанию, месту и роли в истории психологии не признаются самобытными, самостоятельными, оригинальными, значимыми, т.е. ни о какой челпановской теоретической концепции или научно-исследовательской программе в области психологии речи не идет по самым принципиальным соображениям.

С такими выводами и оценками (детерминированными, как нетрудно показать, не столько результатами объективного научного анализа, сколько доставшимися нам в наследство идеологическими критериями и соответствующими идеологизированными представлениями о нашей истории) невозможно согласиться, хотя бы потому, что послушное следование этим критериям и оценкам подразумевает полное игнорирование таких не утративших своего значения и в наши дни работ Г.И. Челпанова, как его двухтомная докторская диссертация «Проблема восприятия

пространства» [67]⁴, сборник статей «Психология и школа» [68], статьи «Об аналитическом методе в психологии» [71]⁵, «Биологическая точка зрения в психологии» [74] и полемические брошюры 1920-х гг. по проблеме «психология и марксизм» [73; 75; 76; 78–80]. В дополнение к этому списку можно указать еще целый ряд работ Г.И. Челпанова, содержащих отчетливо выраженную авторскую позицию и по частным (методическим, практическим, прикладным), и по самым принципиальным, «вечным» вопросам психологии⁶.

Еще один столь же традиционный для нашей историографии повод для того, чтобы лишь косвенным образом вспомнить о школе Г.И. Челпанова, — это обращение к истории московского Психологического института. В этом случае деятельность Челпанова и его выдвинувшихся впоследствии на первые роли учеников (достаточно упомянуть П.П. Блонского, К.Н. Корнилова, С.В. Кравкова, А.А. Смирнова и Б.М. Теплова) рассматривается как важная составная часть всей истории института. И это абсолютно верно. Однако при этом автоматически выпадает начальный, подготовительный этап существования школы — в стенах Киевского университета.

По тем же причинам (из-за отсутствия прямой постановки вопроса о школе Г.И. Челпанова, из-за «привязки» судьбы школы только к истории Психологического института) вне поля зрения исследователей оказывается положение дел в школе на

³ Вопрос о Г.И. Челпанове как философе (или тем паче логике) мы здесь, естественно, не рассматриваем, ограничимся только тремя выразительными штрихами: 1) в «Истории русской философии» (1948–1950) В.В. Зеньковского [23] Г.И. Челпанову уделено достаточно много места, в то время как в «Истории русской философии» (1951) Н.О. Лосского [36] Г.И. Челпанов вообще не упоминается; 2) И.М. Чубаров, комментируя письма Г.И. Челпанова к Г.Г. Шпету, пишет, что Г.И. Челпанов «был первым настоящим учителем философии у таких видных представителей Серебряного века, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев, П.П. Блонский и др. Густав Шпет был лучшим и любимым его учеником» [43, с. 258]; 3) в 1943 г. в СССР было принято решение снова ввести в университетах, пединститутах и в средней школе преподавание логики, и в 1945 и 1946 гг. сотысячными тиражами был переиздан дореволюционный «Учебник логики» Г.И. Челпанова. Интересные подробности этой вынужденной (и, надо добавить, кратковременной) «реабилитации» Г.И. Челпанова логика приводятся в книге А.А. Тахо-Годи [54, с. 242–243] и в статье И.С. Ладенко [32, с. 8].

⁴ В 1999 г. пять глав диссертации (главы 2–6 из второй части, посвященной *гносеологическим* аспектам восприятия) на удивление небрежно (без указания источника и вообще без каких-либо справок и комментариев) под общим названием «Психология познания» были опубликованы в сборнике избранных работ Г.И. Челпанова в серии «Психологи Отечества» (см. [81, с. 9–252]).

⁵ См. повторную публикацию этой статьи [1, с. 494–507] и еще двух статей Г.И. Челпанова [1, с. 139–151].

⁶ Общий список работ Г.И. Челпанова (см. [10], Приложение 2, с. 219–229) впечатляет.

протяжении 1920-х гг., уже после увольнения Г.И. Челпанова в конце 1923 г. с поста директора Психологического института. Тем более не приходится рассчитывать на постановку и исследование вопроса о значении школы Г.И. Челпанова для последующего развития советской психологии и для современной российской психологии.

Как нам представляется, адекватный подход должен заключаться в том, чтобы учесть и свести воедино всю совокупность сведений, относящихся к школе Г.И. Челпанова. Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что в настоящее время уже накоплен объем фактических данных, а также методологических и методических средств, необходимый и достаточный для того, чтобы сформировать целостное, эмпирически обоснованное, логически убедительное и исторически адекватное представление о школе Челпанова.

Другими словами, решение проблемы заключается в том, чтобы всем имеющимся на настоящий момент материалам и источникам по школе Г.И. Челпанова в соответствии с определенной схемой изложения придать целостный вид, привести их в систему. Именно с этой целью в статье предпринимается попытка в первом приближении дать целостную характеристику школе Г.И. Челпанова, выделив три периода в развитии и функционировании школы — начальный (1897—1912), основной (1912—1923) и заключительный (1924—1931).

Первый период: путь наверх (1897—1912)

Первый (подготовительный, начальный) период (1897—1912) в истории школы Г.И. Челпанова включает в себя функционирование под руководством Г.И. Челпанова психологической семинарии (психологического семинария) при кафедрах философии Киевского (1897—1907) и Московского университетов (1907—1912). Подробности о работе семинарии содержатся в трех отчетах

Г.И. Челпанова — за 1897—1902 [65], 1902—1906 [66] и 1907—1913 гг. [69].

В первом отчете Г.И. Челпанов указывает, что «практические занятия по философии, имеющие целью *систематическое* изучение целых отделов ее, ведутся мною в университете св. Владимира с осеннего семестра 1894—1895 гг.» [65, с. 1]. Сначала это был небольшой психологический кружок. И только в конце 1897 г. «кружок получает официальную форму» психологической семинарии, для него «отводится отдельное помещение» [65, с. 2]. Психологическая семинария под руководством Г.И. Челпанова начала официально функционировать в Киевском университете в конце 1897 г.: на заседании Совета университета 27 марта 1898 г. было заслушано предложение попечителя Киевского учебного округа от 29 декабря 1897 г. о том, что «г. товарищ Министра от 16 декабря за № 32783 разрешил учредить психологическую семинарию при кафедре философии, согласно ходатайству профессоров ее, Гилярова⁷ и Челпанова, с назначением на ежегодное содержание сей семинарии по 250 руб. из специальных средств Университета» [46, с. 7]. С этого момента

⁷ Гиляров Алексей Никитич (1856—1938) — историк западно-европейской философии, специалист по теории философского знания, литературовед, сын философа Н.П. Гилярова-Платонова. Магистерская диссертация «Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции» (1888), докторская диссертация «Источники о софистах. Платон как исторический свидетель» (1892). Профессор (1887), академик Всеукраинской академии наук (1922). С 1887 г. преподавал на вторую часть докторской диссертации Г.И. Челпанова (1904) (см. об этом [9]). П.П. Блонский, вспоминая годы обучения в Киевском университете, подчеркивал: «Я стал учеником Г.И. Челпанова, но моя магистерская диссертация — «Философия Плотина». Я думаю, этот факт уже красноречиво говорит, что я в то же время ученик А.Н. Гилярова» [4, с. 60].

(с декабря 1897 г.) можно говорить о возникновении школы Г.И. Челпанова в ее научно-образовательной функции.

Подчеркнем, что в конце XIX в. такие семинарии для университетов России уже не были редкостью, о чем свидетельствует один из параграфов действовавшего тогда университетского устава: «При историко-филологическом, физико-математическом и юридическом факультетах устраиваются практические упражнения студентов под руководством профессоров (семинарии), с необходимыми притом учебными пособиями. Правила, на основании которых учреждаются сии упражнения, устанавливаются министром народного просвещения» [38, с. 48]. Необычным было лишь то, что семинария была учреждена при кафедре философии и имела явный психологический уклон (напрямую детерминированный личными качествами самого Г.И. Челпанова).

К концу первого пятилетия своего существования семинария имела солидную библиотеку (свыше 300 томов) и множество различных приборов и инструментов для проведения занятий по экспериментальной психологии. Из приводимой в первом отчете таблицы (см. [65, с. 10]) видно, что в период с 1896–1897 по 1902–1903 гг. ежегодно в работе семинарии принимали участие 25–30 студентов. В течение полугодия проходило от восьми до двенадцати заседаний, на каждом из них, как правило, выслушивалось и обсуждалось одно сообщение. Среди выступавших с докладами в отчетах упоминаются П.П. Блонский, В.В. Зеньковский, Г.Г. Шпет, А.М. Щербина, выступал и сам Г.И. Челпанов.

В феврале 1903 г. состоялось торжественное открытое (в присутствии профессоров и студентов) публичное заседание «по случаю исполнившегося пятилетия существования Семинарии» [66, с. 1]. На заседании после отчета Г.И. Челпанова выступили с докладами члены се-

минарии — студенты А.Э. Вайнштейн, С.И. Маслов и Г.Г. Шпет, а также профессор, князь Е.Н. Трубецкой (с приветственным словом) [66].

Функционирование челпановской семинарии в Киеве в начале XX в. описано в воспоминаниях П.П. Блонского, который отмечал: «Аудитория, в которой читал Г.И. Челпанов, всегда была переполнена студентами... Но особый авторитет Г.И. Челпанову доставлял организованный им психологический семинар» [4, с. 61]. Об этом же писал В.В. Зеньковский: «В киевский период деятельности Челпанов выделился исключительным педагогическим талантом — в публичных лекциях, происходивших во всегда переполненном актовом зале Университета, в организации замечательного философского семинара, наконец, в организации психологической лаборатории» [23, т. 2, ч. 1, с. 243–244]. Н.А. Бердяев в автобиографии вспоминал: «Из представителей академической профессорской философии я еще на первом курсе университета имел близкое общение с Г.И. Челпановым, популярным профессором философии, который с большим успехом читал курс по критике материализма. У него собирались по субботам, я часто у него бывал и мы вели длинные специально философские разговоры. Эти разговоры были мне полезны, я выходил из замкнутости своей мысли. Политически мы расходились, но это было не важно. Челпанов был в философии прежде всего педагогом. Но он был очень живой человек, всем интересовавшийся, он был для того времени новым типом профессора» [2, с. 114–115].

Для нас важно, что обучение в семинарии на этом этапе было трехгодичным: в течение трех лет изучались «главные философские дисциплины» — психология, теория познания и этика (см. [65, с. 11]). То есть это была философская семинария, хотя и с преобладанием психологической составляющей. Несложные подсчеты по-

казывают, что за десять лет обучение в ней прошли примерно 75–100 человек, из них в основной (более-менее постоянный и продуктивный) состав входило, по-видимому, порядка 20–30 человек, к тому же, судя по темам докладов, не все из них специализировались в области психологии.

Дополнительные сведения о деятельности Г.И. Челпанова в Киевском университете содержатся в монографии [50], статьях [6; 9], а также в кандидатских диссертациях, посвященных научному и философскому творчеству Г.И. Челпанова [5; 21; 32].

Став в 1907 г. заведующим кафедрой философии на историко-филологическом факультете Московского университета, Г.И. Челпанов продолжил, значительно расширив, работу своего детища уже на базе Московского университета. В статье, посвященной истории Института, Г.И. Челпанов писал: «При переходе моем из Киевского университета в Московский на кафедру философии, в 1907 году, по ходатайству историко-филологического факультета был учрежден «Психологический семинарий» при кафедре философии. ...Для семинария было отведено помещение в три комнаты довольно большого размера. На отпущенные средства были приобретены книги и журналы для библиотеки семинария, приборы и приспособления для исследований по экспериментальной психологии и равным образом для демонстрации при чтении курса психологии. ...В этом семинарии я вел занятия по теоретической психологии и практические занятия по экспериментальной психологии. *Кроме того, с 1909 г. начались самостоятельные исследования по экспериментальной психологии* (подчеркнуто мной. — С.Б.). Вскоре число постоянных участников превысило сорок человек и заниматься стало очень тесно» [70, с. 273].

Так создавались предпосылки для перехода преподавания психологии и функционирования школы на качественно

новый уровень: именно с 1909 г. школа Г.И. Челпанова заработала не только как научно-образовательный, но и как научно-исследовательский центр. В обнаружении этого факта состоит еще один важный вывод нашего исследования.

В деталях период 1907–1913 гг. описан в третьем отчете Г.И. Челпанова [69], где скрупулезно и вместе с тем без лишних слов, с разбивкой по полугодиям указываются структура и отдельные программы занятий (по теоретической и экспериментальной психологии), обсуждаемые вопросы и темы докладов, состав учебных групп и фамилии докладчиков, приводятся списки необходимой для изучения литературы. За эти шесть лет «в психологическом семинарии состоялось 116 заседаний по теоретической психологии и 32 заседания по экспериментальной психологии. Всего же 148 заседаний» [69, с. 326].

Из известных впоследствии имен среди докладчиков в отчете Г.И. Челпанова упоминаются Г.О. Гордон, К.Н. Корнилов, В.С. Шилкарский, Н.П. Ферстер, И.С. Шукин (сын мецената С.И. Шукина, спонсировавшего в 1910 г. сто тысяч рублей на создание института⁸), А.А. Каэлас, Б.Н. Северный, В.М. Экземплярский, Н.А. Рыбников, В.Е. Смирнов, С.Е. Трубецкой, Ф.Ф. Бережков, Н.Ф. Добрынин, П.А. Рудик, Н.В. Петровский, А.Ф. Лосев, М.П. Кононова и др. С.Е. Трубецкой (1890–1949), сын упомянутого выше профессора Е.Н. Трубецкого, вспоминая годы обучения в Московском университете (1908–1912), писал: «Всего больше мне приходилось работать в семинарах у профессоров Г.И. Челпанова и Л.М. Лопатина. Первый был скорее хороший педагог, чем ценный ученый; он технически пре-

⁸ К этой сумме (деньги по тем временам огромные, если позволили возвести большое трехэтажное здание в центре Москвы) С.И. Шукин добавил в 1911 г. 20 000 руб. на оборудование и еще 50 000 руб. в 1916 г.

красно вел занятия (особенно помню его семинар по экспериментальной психологии)» [55, с. 70].

Ознакомление с первым периодом позволяет утвердиться в мысли, что «психологическая семинария» в Киеве и «психологический семинарий» в Москве по общей проблематике и организации занятий явились прообразом Психологического института в Москве.

Учитывая, что в 1904 г. Г.И. Челпанов защитил докторскую диссертацию и в 1905–1910 гг. выпустил ряд учебников и учебных пособий по психологии («Учебник психологии» (1905), «Мозг и душа» (3-е изд., 1906), «Психология. Основной курс» (1909), «Лекции по экспериментальной психологии» (1910)), а также то, что к этому времени сложились определенные традиции преподавания, можно сделать вывод, что в течение первого периода психологическая школа Г.И. Челпанова полностью сформировалась в своей образовательной функции, т.е. как научно-образовательная школа, а в конце этого периода (в 1909 г.) начался процесс трансформации школы в «школу – исследовательский коллектив».

Второй период: на вершине (1912–1923)

В 1912 г. Г.И. Челпановым был создан и до 1923 г. под его руководством функционировал Психологический институт при Московском университете. Г.И. Челпанов начало этого периода характеризовал следующим образом: «В 1912–1913 учебном году занятия психологического семинария были перенесены во вновь отстроенный Психологический институт. По-прежнему эти занятия распадались на 1) семинарий по теоретической психологии, 2) семинарий по экспериментальной психологии, 3) просеминарий по экспериментальной психологии, 4) лабораторные занятия по экспериментальной пси-

хологии. Число членов Психологического института к началу учебного года было 53» [69, с. 318].

Некоторые любопытные научные и житейские подробности 1912–1913 гг. содержатся в трех письмах Г.И. Челпанова к Г.Г. Шпету, написанных в мае 1912 г., ноябре 1912 г. и августе 1913 г. [43, с. 246–249]; информативны и комментарии публикатора (И.М. Чубарова) к ним [43, с. 258–259]. Последнее из этих писем интересно тем, что Г.И. Челпанов в нем пишет: «Думаю с 1-го января издавать журнал под заглавием “Русский журнал экспериментальной психологии”. На этот раз это решение бесповоротно!» [43, с. 249]. К сожалению, этот замысел впоследствии был реализован лишь частично – в виде одного номера «Психологических исследований» в 1914 г. [47] и четырех номеров «Психологического обозрения» в 1917 г.

В специально посвященной институту статье Г.И. Челпанов подчеркивал, что «Психологический институт при Московском университете находится в прямой преемственной связи с “психологическим семинарием” при Московском университете» [70, с. 273]. В этой статье Г.И. Челпанов подробно излагает историю института, приводит «Временные правила», по которым функционировал институт [70, с. 278], описывает общее устройство института (с планами и фотографиями помещений) и организацию занятий. В конце статьи дается список имеющихся в институте приборов для демонстрации и проведения исследований по разделам «Оптика», «Акустика», «Органические, кожные и кинестетические ощущения», «Аффективные процессы», «Память», «Внимание», «Воля» и «Общие приборы» (проекторный аппарат, метроном и т.п.) [70, с. 294–298]. Данный перечень дает наглядное представление о круге проблем, изучавшихся в то время в школе Г.И. Челпанова.

Психологический институт был построен и оборудован по последнему слову науки и техники. За образец был взят Институт В. Вундта в Лейпциге. В вопросах организации учебных занятий большое влияние на Г.И. Челпанова оказало ознакомление с лабораторией Э. Титченера в Корнельском университете (см. об этом [70, с. 276]). Все это позволило развернуть на базе института широкий цикл работ как с учебными, так и с собственно научными, исследовательскими целями.

О направлении и размахе *исследовательской* деятельности в этот период дают представление публикации Г.И. Челпанова и его сотрудников. Прежде всего это «Психологические исследования» (они же «Труды Психологического института») [47], где, кроме уже цитированных выше двух носящих справочно-информационный характер статей Г.И. Челпанова [69; 70], был опубликован цикл работ исследовательского характера: «К вопросу о природе типов простой реакции» [47, с. 1–53] и «Динамометрический метод исследования реакции (Предварительное сообщение)» К.Н. Корнилова [47, с. 269–272], «Опыт экспериментального исследования узнавания и репродукции» Н.А. Рыбникова [47, с. 54–128], «Материалы к вопросу о типах представления» В.М. Экземплярского [47, с. 129–212], а также статья Г.И. Челпанова «К вопросу об отношении между психофизическими методами» [47, с. 213–268]. Очевидно, все эти работы были прямым результатом начавшейся под руководством Г.И. Челпанова в 1909 г. ширококомасштабной исследовательской деятельности.

Не менее информативен в этом плане вышедший в 1916 г. юбилейный (к двадцатилетию педагогической деятельности Г.И. Челпанова) сборник [17], авторами которого были ученики Г.И. Челпанова: Ф.Ф. Бережков («Субъективны ли чувственные качества»), П.П. Блонский

(«Исторический контекст философии Беркли»), П. Дале («О подсознательных явлениях душевной жизни»), И.Н. Дьяков («Проблема взаимоотношения субстанции и времени»), А.А. Каэлас («К вопросу о генезисе эмоций»), К.Н. Корнилов («Конфликт двух экспериментально-психологических школ»), А.Ф. Лосев («Эрос у Платона»), И. Марков («Интуиция “Я”»), П.С. Попов («Бергсон и его критики»), Н.А. Рыбников («К вопросу о методике исследования памяти»), Л.И. Салягов («Гносеология» — онтология), Б.Н. Северный («К вопросу о природе сравнения»), В.Е. Смирнов («О некоторых условиях умственной деятельности»), Н.П. Ферстер («К анализу процесса упорядочения»), А. Цирес («К вопросу об очевидности математических положений»), Г.Г. Шпет («Сознание и его собственник»), А.М. Щербина («“Слепой музыкант” В.Г. Короленко»), В.М. Экземплярский («Психология типов представления и вопросы педагогики»).

Большинство из опубликованных в этом сборнике работ следует отнести к собственно психологическим, лишь несколько работ (например, А.Ф. Лосева и П.П. Блонского) имели философский характер. Н.В. Самсонов в рецензии на этот сборник не случайно подчеркивал: «Для рецензии взяты те десять статей из восемнадцати, входящих в сборник, которые посвящены психологии» [51, с. 577]. Однако граница между философскими и психологическими проблемами в школе Г.И. Челпанова была всегда неопределенной. Скажем, работа Г.Г. Шпета «Сознание и его собственник» в этом сборнике [17, с. 156–210] — это философия или психология? Или возьмем А.Ф. Лосева. Следует ли его вообще причислять к школе Г.И. Челпанова в психологии? В этом плане любопытен тот факт, что в написанной А.А. Тахо-Годи биографии А.Ф. Лосева на протяжении всей книги неоднократно особо подчеркивается, что А.Ф. Ло-

сев считал себя учеником Г.И. Челпанова именно по линии психологии. А.А. Тахо-Годи обращает внимание на следующие подробности: «Характерно, что с некоторыми профессорами у А.Ф. Лосева сохранились на всю жизнь добрые, даже дружеские отношения. Так, Г.И. Челпанова он считал своим учителем. Когда Челпанов основал Психологический институт, студент Лосев, как один из лучших, был принят в члены этого института. Там А.Ф. Лосев вел работы по экспериментальной психологии, активно участвуя в семинарах и экспериментальных работах. Сохранились в архиве Психологического института, в архиве А.Ф. Лосева и в архиве Г.И. Челпанова документальные свидетельства об этой деятельности» [54, с. 33], и далее идет ссылка на статью А.А. Тахо-Годи «А.Ф. Лосев и Г.И. Челпанов» (журнал «Начала». 1994. № 1).

Но, пожалуй, самым ценным свидетельством, подтверждающим функционирование школы Г.И. Челпанова как исследовательского коллектива, должны считаться вышедшие в 1917 г. четыре номера (выпуска) журнала «Психологическое обозрение» (третий и четвертый номера вышли в сдвоенном виде). Однозначно это был журнал челпановской школы: авторами статей, обзоров, рецензий и заметок были (за исключением нескольких не «челпановцев» — С.А. Аскольдова, Н.О. Лосского, Н.Н. Ладыгиной-Котс и Н.В. Самсонова) Г.И. Челпанов и его ученики и сотрудники. С большими статьями выступили Г.И. Челпанов («Об аналитическом методе в психологии», «О превращении школ в психологические лаборатории»), П.П. Блонский («О методе единого процесса г. Нечаева»), А.А. Каэлас («К вопросу о природе и выражении эмоций. Анализ трехмерной теории чувствований Вундта»), Б.Н. Северный («Экспериментальное исследование процесса сравнения»), В.Е. Смирнов («Экспериментальное исследование про-

цесса абстракции»), Г.Г. Шпет («Предмет и задачи этнической психологии»). Авторами обзоров, рецензий и заметок были Ф.Ф. Бережков, П. Дале, И.Н. Дьяков, К.Н. Корнилов, С.В. Кравков, И. Марков, Н.В. Петровский, П.С. Попов, П.А. Рудик, Н.А. Рыбников, Б.Н. Северный, Н.П. Ферстер, И. Эвергетов, В.М. Экземплярский.

Перед нами, таким образом, психологическая школа Г.И. Челпанова (точнее, ее передовой отряд во главе со своим лидером) на данном временном отрезке — в многообразии лиц, форм деятельности (представлены работы теоретические и экспериментальные, исследовательские и обзорные, отчеты и рецензии), проблем и результатов (исследуются процессы познавательные и эмоциональные, вопросы психологии общей, индивидуальной, социальной, педагогической, этнической, зоопсихологии и даже психологии аномальных явлений).

Итогом и вершиной для челпановской школы стал первый Всероссийский психоневрологический съезд (г. Москва, январь 1923 г.), где Г.И. Челпанов был вместе с А.П. Нечаевым одним из организаторов и руководителей съезда. На съезде безоговорочно доминировали работы представителей школы Г.И. Челпанова. Именно в этом состоит историческое значение данного съезда, а не в выступлениях новоявленных психологов-марксистов (К.Н. Корнилова, П.П. Блонского и др.), чьи прозвучавшие на съезде лозунги о марксистской психологии были встречены участниками съезда весьма критически, что хорошо видно по брошюре П.О. Эфрусси, посвященной результатам первого съезда по психоневрологии [83]. Позволим себе привести обширную цитату из этой малоизвестной и малодоступной в настоящее время работы.

«Чрезвычайно важным и для многих участников съезда неожиданным дости-

жением в области теоретической психологии являются блестящие результаты работы Г.И. Челпанова в Психологическом институте при 1-м Московском университете. Открытый в 1914 г., в момент, неудачный для теоретической работы вообще, а в особенности для организации нового научного центра, Московский психологический институт тем не менее осуществил за эти последние годы научную работу, одинаково замечательную как по своему масштабу, так и по качеству ее результатов.

Десять лет тому назад Г.И. Челпанов в статье “О положении психологии в русских университетах” [64] указывал на то, что постановка преподавания и научной разработки психологии в русских университетах не соответствует современному уровню ее развития, что университеты в данном отношении сильно отстали от требований жизни. Если это указание было совершенно справедливо для того времени, то сейчас можно сказать с полной уверенностью, что Московский университет в настоящее время занимает одно из первых мест в мире как по общей постановке преподавания в нем психологии, так и по масштабу и продуктивности научной работы в его Психологическом институте. До сих пор экспериментальная психология в России развивалась вне университетов, при педагогических и медицинских высших учебных заведениях. Этим можно объяснить, что до сих пор у нас развивалась преимущественно прикладная психология, между тем как проблемы теоретической психологии крайне редко, лишь спорадически, подвергались экспериментальному изучению. Этот чрезвычайно важный пробел теперь заполнен: Психологический институт при 1-м Московском университете является у нас первым большим центром теоретической экспериментальной психологии. Слова А.И. Введенского, сказанные

им по поводу открытия Московского Психологического института: “Институт... будет служить... обширной школой психологов-экспериментаторов” [16] – сбылись в полной мере и ранее, чем можно было ожидать. Психология в России вступила, благодаря деятельности Московского института, в новый фазис развития.

Доклады, прочитанные в психологической секции сотрудниками Московского института, посвящены животрепещущим вопросам современной психологии. Большой методологический интерес представляет доклад Г.И. Челпанова “К методике опроса при исследовании высших умственных процессов”, дающий систему правил и общих принципов пользования самонаблюдением как научным методом. ...Доклад Б.Н. Северного “Экспериментальное исследование процесса сравнения” дает ответ на важную проблему психологии мышления и заполняет вместе с тем пробел в логике. Доклад Н.В. Петровского “Психологическая природа сознания реальности” дает психологический анализ различий в сознании реальности при переживании, с одной стороны, восприятий, с другой – представлений, галлюцинаций, сновидений, образов фантазии в детских играх и детской лжи, художественных восприятиях, псевдогаллюцинациях и т.д. ...Доклад Н.В. Петровского представляет особый интерес в том отношении, что показывает, как с помощью углубленного анализа современная психология все с большей точностью восстанавливает в описании полноту непосредственных переживаний и тем самым освобождается от чрезмерного интеллектуализма. Доклад П.А. Шеварева “К вопросу об экспериментальном исследовании воли” содержит результаты проверки основных выводов Н. Аха и возражений, высказанных О. Зельцем. Проверка эта подтвердила правильность положения Зельца против Аха, об отсутст-

вии ассоциативного эквивалента детерминации.

Столь же важным проблемам теоретической психологии посвящены доклады других сотрудников Психологического института: Н.Ф. Добрынина — “Экспериментальное исследование внимания”, С.В. Кравкова — “О реакции на сходные раздражения”, А.А. Смирнова — “О свободном течении представлений”. К области зоопсихологии относятся доклады Н.К. Котс — «Исследование познавательной способности шимпанзе» и М.П. Садовниковой — “Исследование поведения птиц в аппарате множественного выбора”.

Исследования других сотрудников Психологического института представляют, помимо теоретического интереса, большой интерес также для прикладной психологии — психотехники и педологии. Доклад В.М. Экземплярского “О дифференциальной психологии” подводит теоретический фундамент под всю область прикладной психологии. В другом докладе — “К вопросу о типах представлений”, В.М. Экземплярский дает теоретическую основу для так называемой сенсорной культуры. Еще более непосредственный интерес для психотехники и педагогики представляют доклады П.А. Рудика “Об упражнении в области глазомера” и Н.П. Ферстер “Образование привычек в области зрительно-моторных координаций”. Попытку психологического анализа эстетических переживаний содержит доклад С.Н. Экземплярской “Типические музыкальные восприятия среднего слушателя”.

Технические усовершенствования приборов для психологических экспериментов, введенные сотрудниками Психологического института, указаны в докладах Г.И. Челпанова “Демонстрация универсального психологического аппарата” и Н.Ф. Добрынина “Об автоматической регистрации показаний хроноскопа”.

При всем различии тем и степени их разработанности доклады сотрудников Московского психологического института носят общую печать прекрасной школы. *Отчетливая постановка проблемы, полное знание тонкостей методики, соответствующей уровню современной экспериментальной психологии, глубокое знакомство с относящейся к вопросу литературой, стремление достигнуть при обработке результатов возможной в этой области меры точности — вот общие черты, характеризующие школу Г.И. Челпанова в целом* (подчеркнуто мной. — С.Б.). Оценить по заслугам дело Г.И. Челпанова как руководителя Института может только тот, кто имел случай наблюдать, как медленно и ценою каких больших усилий удалось организовать интенсивную работу в психологических лабораториях таким психологам, как Штумпф, Г.Э. Мюллер и Эббингауз в условиях мирного времени и в сравнительно скромном масштабе» [83, с. 14–19].

Думается, комментарии к этим словам и оценкам П.О. Эфрусси излишни.

Третий период: последний бой (1924–1931)

Третий (заключительный) период (1924–1931), когда после смещения Г.И. Челпанова (в конце 1923 г.) с поста директора Психологического института и увольнения на пенсию его школа как определенное научно-исследовательское и научно-образовательное учреждение практически прекратила свое существование. Однако в этот период Г.И. Челпанов продолжал отстаивать свои идеи в ряде полемических публикаций 1924–1927 гг. [73; 75; 76; 78–80], а также в контексте своей деятельности в стенах ГАХН (Государственной академии художественных наук) [37]. В центре полемики о значении марксизма для психологии в 20-е гг. была дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым. В данной дискуссии,

как нам уже приходилось отмечать [7; 8; 10], Г.И. Челпанову удалось не только отстоять свои позиции, но и победить, что выразилось в фактическом переходе К.Н. Корнилова на позиции Г.И. Челпанова по всем основным вопросам дискуссии. Однако для самого Г.И. Челпанова это уже не имело положительного значения, скорее даже, наоборот. Не сыграли своей роли и его идеологически и философски нейтральные публикации середины 20-х гг. [72; 77].

Кроме того, в середине 1920-х гг. вышло несколько работ, содержащих апологию основных идей челпановской школы. Это работы С.В. Кравкова [29–31], уже упомянутая брошюра П.О. Эфрусси [83] и полемика М. Окуня с Ю.В. Франкфуртом и К.Н. Корниловым [28; 39; 40; 63]. Внимательное изучение материалов этой дискуссии позволяет выдвинуть гипотезу, что за псевдонимом «Окунь» стоял один из бывших учеников Г.И. Челпанова – Г.О. Гордон; эту гипотезу дополнительно подкрепляют воспоминания Г.О. Гордона (прежде всего спор о спинозизме) [18].

Показательным для оценки реального статуса Г.И. Челпанова как ученого во второй половине 1920-х гг. является тот факт, что в 1927 г. Г.И. Челпанов был выдвинут кандидатом в члены Академии наук. Однако благодаря бдительности властей (в лице научного сотрудника Института марксизма В. Ульриха) эта попытка не удалась [56]. Та же участь, кстати говоря, вскоре ожидала и еще одного неугодного и неудобного кандидата – Г.Г. Шпета [57]. Важные детали, характеризующие личность Г.И. Челпанова и события середины 1920-х гг., приводятся в воспоминаниях Г.О. Гордона [18]. Столь же интересны воспоминания А.Н. Леонтьева, который был у Г.И. Челпанова одним из последних учеников [24; 35]. Важные сведения содержит публикация [42]. Подробные сведения о составе школы Г.И. Челпанова

можно найти в статьях Л.А. Радзиховского [49], И.Е. Сироткиной [52] и В.В. Умрихина [58; 59]. Много новых сведений, касающихся Г.И. Челпанова, содержится в книге о Г.Г. Шпете [19]. В статьях [11–13] школа Г.И. Челпанова рассматривается в общем контексте советской психологии 1920-х гг.

В качестве верхней границы третьего периода мы берем 1931 г., когда состоялась так называемая «реактологическая дискуссия», на которой была поставлена задача покончить с «реактологической психологией» К.Н. Корнилова, а заодно и с «челпановщиной», «нечаевщиной» и «другими остатками буржуазно-идеалистических теорий» [26, с. 2]. Мы имеем в виду тот факт, что на протяжении 1920-х гг., пока К.Н. Корнилов был директором, фактически вся научная продукция института – хрестоматия и практикум по психологии, институтские сборники, экспериментальные исследования, журнал «Психология» – шла в русле челпановских традиций (что, впрочем, не мешало К.Н. Корнилову одновременно всячески третирировать и критиковать Г.И. Челпанова).

В 1930-е и последующие годы идеи школы Г.И. Челпанова в той или иной степени продолжали существовать и развиваться в научной деятельности и публикациях учеников Г.И. Челпанова. Так, например, в работе «Память и мышление» [3] П.П. Блонский широко привлекал интроспективные данные (см. об этом [15]), а о главной работе К.Н. Корнилова Г.И. Челпанов совершенно справедливо писал: «Учение о реакциях» написано по интроспективному методу, принятому в Психологическом институте Московского университета. Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию Корнилова. Может быть, в нескольких

фразах, имеющих отношение к идее классовой борьбы» [78, с. 22].

Но в общем о школе Челпанова долгие годы вспоминали лишь в связи с историей московского Психологического института, а взгляды самого Г.И. Челпанова оценивались как идеалистические, устаревшие, антимарксистские и оттого заслуживавшие своей участи — того, что от них отказались, их раскритиковали и отбросили уже в 1920-е гг. Сейчас мы понимаем, что за всеми этими рассуждениями и оценками стояло стремление оправдаться перед историей и придать позитивный смысл действиям, фактически направленным на превращение психологии в «репрессированную науку». Лишь с конца 1980-х гг. на волне тотальной деидеологизации стал происходить пересмотр места и роли Г.И. Челпанова и его школы в истории российской психологии, стало подчеркиваться значение Г.И. Челпанова и всей его школы для советской психологии и тем самым для современной российской психологии.

Выводы

1. Школа Г.И. Челпанова (в психологии) — сложившаяся в русской дореволюционной психологии благодаря целенаправленной теоретической, научно-организаторской и педагогической деятельности Г.И. Челпанова и функционировавшая под его непосредственным руководством в течение примерно тридцати лет (с конца 90-х гг. XIX в. до конца 20-х гг. XX в.) сначала в Киевском, а затем в Московском университете научная школа, разрабатывавшая в качестве научно-образовательной школы и школы — исследовательского коллектива философские, методологические, теоретические, экспериментальные и прикладные проблемы психологии с позиций традиционной эмпирической (интроспектив-

ной) психологии сознания В. Вундта и Э. Титченера.

2. В развитии школы Г.И. Челпанова выделяются три этапа — начальный (1897—1912), основной (1912—1923) и заключительный (1924—1931). В течение первого периода школа Г.И. Челпанова сформировалась как научно-образовательная школа, а в конце этого периода (в 1909 г.) начался процесс ее трансформации школы в «школу — исследовательский коллектив». Значение второго периода (1912—1923) состояло в том, что к началу 1920-х гг. школа Г.И. Челпанова сформировалась как «школа — исследовательский коллектив», о чем свидетельствуют такие признаки, как наличие общепсихологической концепции и научно-исследовательской программы, высокий научный и социальный статус лидера, сплоченный и устойчивый коллектив единомышленников, солидная материальная база (Психологический институт), свой журнал «Психологическое обозрение», характерный для школы общий стиль научной деятельности, множество разнообразных публикаций, выход в область прикладных и практических проблем и т.п. Третьим периодом должно было стать постепенное превращение школы Г.И. Челпанова в «школу-направление», увязывающую в единое целое фундаментальные и прикладные аспекты изучаемых проблем. Однако вместо этого третий период стал заключительным, и в течение нескольких лет школа Г.И. Челпанова вследствие деструктивной политики Советского государства прекратила свое существование. Но, перестав функционировать к концу 1920-х гг. в качестве научно-образовательного и научно-исследовательского учреждения, школа Г.И. Челпанова тем не менее оказала существенное влияние на последующее развитие психологии в СССР, прежде всего благодаря стоявшему как скала (среди бушующего идеологического моря) Психологическому инсти-

туту, благодаря сформированным в школе высокопрофессиональным научным кадрам со сложившимися традициями, принципами и навыками научной работы (тезис о конкретных путях и формах влияния наследия челпановской школы на развитие отечественной психологии в 1930-е годы и последующие десятилетия советской истории требует дальнейших широкомасштабных исследований).

3. Разносторонняя организаторская, творческая и педагогическая деятельность Г.И. Челпанова по созданию и функционированию школы может и сегодня служить образцом в деле обеспечения дальнейшего прогресса российской психологической науки.

...Изучая историю психологии, порой невольно проникаешься особым чувством — чувством прикосновения к тому вечному, что есть во всяком подлинном психологическом знании. Именно это чувство возникает при ознакомлении с судьбой челпановских идей. Значит, движение школы Г.И. Челпанова сквозь время продолжается.

Литература

1. Антология феноменологической философии в России. Т. I / сост., общ. ред., предисл. и коммент. И.М. Чубарова. М., 1997.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
3. Блонский П.П. Память и мышление. М.; Л., 1935.
4. Блонский П.П. Мои воспоминания. М., 1971.
5. Богданчиков С.А. История проблемы «психология и марксизм» (Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х гг.): автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1993.
6. Богданчиков С.А. Неизвестный Г.И. Челпанов // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 27–35.
7. Богданчиков С.А. Почему был уволен Г.И. Челпанов? (Историография одного

факта) // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 85–96.

8. Богданчиков С.А. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923–1927 гг.: схема и факты // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 123–131.

9. Богданчиков С.А. Научно-организационная деятельность Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 126–135.

10. Богданчиков С.А. Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х гг. Саратов, 2000.

11. Богданчиков С.А. К характеристике отечественной общей психологии 1920-х гг. // Материалы Пятнадцатых Страховских чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов / под ред. В.И. Страхова. Саратов, 2006. С. 46–58.

12. Богданчиков С.А. Основные направления и течения в отечественной психологии 1920-х гг. // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 21–30.

13. Богданчиков С.А. Отечественная идеалистическая психология 1920-х гг. // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 152–160.

14. Богданчиков С.А. От Л.С. Выготского к Г.И. Челпанову и обратно // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 68–78.

15. Богданчиков С.А. Советская психология накануне 1936 года // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 156–164.

16. Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Изд. 1917 г.

17. Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916.

18. Гордон Г.О. Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 84–96.

19. Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / под ред. Т.Д. Марцинковской. М., 2000.

20. Давыдов В.В., Зинченко В.П. Теоретические основы научной школы Выготского–Леонтьева–Лурия // Психология. Минск, 1990. № 10. С. 3–15.

21. Дубровина Л.А. Г.И. Челпанов и его вклад в психологическую науку: автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1995.

22. *Ждан А.Н., Марцинковская Т.Д.* Московская психологическая школа: традиции и современность // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 117–127.
23. *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2 т. Л., 1991.
24. *Зинченко В.П.* Последнее интервью А.Н. Леонтьева // Наука в СССР. 1989. № 5. С. 85–90.
25. К 100-летию со дня рождения П.И. Зинченко // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 128–129.
26. Итоги дискуссии по реактологической психологии (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6.06.1931 г.) // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1. С. 1–12.
27. *Кингсбери Д.* Психоисторический кризис: фантастический роман. М., 2005.
28. *Корнилов К.Н.* Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 3–15.
29. *Кравков С.В.* Самонаблюдение. М., 1922.
30. *Кравков С.В.* Внушение (психология и педагогика внушения). М., 1924.
31. *Кравков С.В.* Очерк психологии. М., 1925.
32. *Ладенко И.С.* Становление и развитие идей генетической логики // Вопросы методологии. 1991. № 3. С. 7–12.
33. *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. М., 2003.
34. *Лебедев С. А.* Философия науки: словарь основных терминов. М., 2006.
35. *Левитин К. Е.* Личностью не рождаются. М., 1990.
36. *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1994.
37. *Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г.* Неизвестные страницы творчества Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 99–106.
38. Общий Устав Императорских Российских Университетов // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. № 9. С. 27–61.
39. *Окунь М.* Механистические комментарии к диалектической критике // Под знаменем марксизма. 1928. № 7–8. С. 48–63.
40. *Окунь М.* О духе марксизма и о букве его // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 113–124.
41. *Оников В.И.* Критический анализ философии Г.И. Челпанова: автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1983.
42. Первая этнопсихологическая лаборатория в России: Г. Шпет, В. Поржезинский, Г. Челпанов. Докладная записка об учреждении кабинета этнической и социальной психологии (1 февраля 1920 г.) // Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 159–160.
43. Письма к Густаву Шпету Г.И. Челпанова, Л.И. Шестова, Б.В. Яковенко, Р.О. Яковсона и др. / Публикация, предисловие и комментарии И. Чубарова // Логос. 1992. № 3. С. 243–263.
44. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.
45. Проблема научной школы в психологии [редакционная статья] // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 4. С. 3–4.
46. Протокол заседания Совета Императорского Университета св. Владимира. 27 марта 1898 г. // Университетские Известия. 1899. № 6. С. 1–14.
47. Психологические исследования / под ред. Г.И. Челпанова // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Выпуск 43-й. М., 1914. С. 1–327. (Труды Психологического Института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. Том 1. Вып. 1–2).
48. Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского; сост. Л.А. Карпенко. М., 1990.
49. *Радзиховский Л.А.* Г.И. Челпанов – организатор Психологического института // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 47–60.
50. *Роменец В.А., Маноха И.П., Бреусенко А.А.* Г.И. Челпанов: период профессорства в университете св. Владимира (г. Киев). 1892–1907 гг. Киев, 2000.
51. *Самсонов Н.В.* Рецензия на книгу: Статьи по философии и психологии. Юбилейный сборник Г.И. Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве (1891–1916).

М., 1916 // Психологическое обозрение. Т. 1, № 3–4. М., 1917. С. 577–583.

52. *Сироткина И.Е.* От реакции к живому движению: Н.А. Бернштейн в Психологическом институте двадцатых годов // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 16–27.

53. *Степанов И.* Диалектический материализм и дебординская школа. М.; Л., 1928.

54. *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М., 1997.

55. *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991.

56. *Ульрих В.* Вчера и сегодня проф. Г.И. Челпанова // Ленинградская правда. 1928. № 231, от 4 октября. С. 3.

57. *Ульрих В.* Проф. Г.Г. Шпет (выборы новых академиков) // Ленинградская правда. 1928. № 242, от 17 октября. С. 3.

58. *Умрихин В.В.* «Идеогенез» и «социогенез» науки в творчестве Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 17–26.

59. *Умрихин В.В.* «Храм психологической науки» в драмах российской истории // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6. С. 3–15.

60. *Умрихин В.В.* Историко-методологические проблемы анализа научных школ в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 5–14.

61. *Умрихин В.В.* Г.И. Челпанов и его школа // Психология в Московском университете: 1755–2005 / научн. ред. А.Н. Ждан. М., 2007. С. 97–114.

62. *Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия / отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. М., 2005.*

63. *Франкфурт Ю.В.* Механистический «дух» ревизует психологические взгляды основоположников марксизма // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 125–139.

64. *Челпанов Г.И.* О положении психологии в русских университетах // Вопросы философии и психологии. 1912. Октябрь.

65. *Челпанов Г.И.* Отчет о деятельности Психологической Семинарии при Университете св. Владимира за 1897–1902 годы // Труды Психологической Семинарии при Университете св. Владимира. Философские исследования, обозрения и проч. 1904. Т. 1. Вып. 1. С. 1–11.

66. *Челпанов Г.И.* Отчет о деятельности Психологической семинарии при Университете св. Владимира за 1902–1906 годы // Университетские Известия. 1907. № 3. С. 1–11.

67. *Челпанов Г.И.* Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности: в 2-х ч. Киев, 1896–1904. Ч. I. Представление пространства с точки зрения психологии. Киев, 1896; Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904.

68. *Челпанов Г.И.* Сборник статей (Психология и школа). М., 1912.

69. (*Челпанов Г.И.*) Отчет о деятельности Психологического Семинария при Московском Университете за 1907–1913 годы⁹ // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел Историко-филологический. Вып. 43. Труды Психологического института им. Л.Г. Шукиной при Императорском Московском университете. Психологические исследования / под ред. Г.И. Челпанова. Т. 1. Вып. 1–2. М., 1914. С. 299–327.

70. *Челпанов Г.И.* Психологический институт при Московском университете // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел Историко-филологический. Вып. 43. Труды Психологического института им. Л.Г. Шукиной при Императорском Московском университете. Психологические исследования / под ред. Г.И. Челпанова. Т. 1. Вып. 1–2. М., 1914. С. 273–298.

71. *Челпанов Г.И.* Об аналитическом методе в психологии // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. № 1. С. 3–17; 1917. Т. 1. № 3–4. С. 451–468¹⁰.

72. *Челпанов Г.И.* Введение в экспериментальную психологию. М., 1924.

73. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. М., 1924.

74. *Челпанов Г.И.* Биологическая точка зрения в психологии // Неврология,

⁹ В тексте автор не указан, но мы учитываем полное сходство по содержанию и стилю данного отчета с двумя предыдущими отчетами Г.И. Челпанова. Да и кто, кроме Г.И. Челпанова, мог написать этот отчет?!

¹⁰ Повторную публикацию второй части этой работы см. в книге [1, с. 494–507].

невропатология, психология, психиатрия: Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности проф. Г.И. Россолимо. 1884–1924. М., 1925. С. 207–217.

75. *Челпанов Г.И.* Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения). М., 1925.

76. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. 2-е изд. М., 1925.

77. *Челпанов Г.И.* Очерки психологии. М.; Л., 1926.

78. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926.

79. *Челпанов Г.И.* Социальная психология или «условные рефлексы»? М.; Л., 1926.

80. *Челпанов Г.И.* Спинозизм и материализм. Итоги полемики о марксизме в психологии. М., 1927.

81. *Челпанов Г.И.* Психология. Философия. Образование. М.; Воронеж, 1999.

82. Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М., 1977.

83. *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России. Петроград, 1925.

84. *Ярошевский М.Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М., 1977. С. 7–97.

85. *Ярошевский М.Г.* Две научные школы в отчем доме психологов России // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 8–12.